

Фото: Wonderzine, соцсети Дарьи Серенко, «Россия 24» / Коллаж: ОВД-Инфо

29.04.2025, 14:52

СВОЙ ОПЫТ

«Я в так называемом wanted list»: Дарья Серенко о жизни со статусом иноагента, без паспорта и в розыске. И о возвращении в Россию

«Госдума пусть сосет жопу» — написала в соцсетях фемактивистка, писательница и преподавательница Дарья Серенко в ответ на закон о полном запрете иноагентам заниматься просвещением и образованием. В иноагентском реестре Дарья с начала 2023 года. Она все равно продолжит просвещать, образовывать — и по-прежнему не будет ставить иноагентскую плашку. ОВД-Инфо поговорил с Серенко о том, как государство пытается стереть ее из реальности, о протоколах

безопасности для своей аудитории в России и о возвращении домой — даже если там будет новая диктатура.

О ТОМ, КАК ВСЕ НОВЫЕ ИНОАГЕНТСКИЕ ЗАКОНЫ ПОРАЖАЮТ В ПРАВАХ

Я не имею права преподавать в университетах и вообще заниматься публичной деятельностью. Мои книги изымают из библиотек. Продавцы вынуждены оборачивать мои книги в непрозрачную бумагу. Я не имею права избираться в органы власти.

Я не ставила [иноагентскую] плашку, не посыпала отчеты в Минюст, и на этом основании на меня открыли уголовное дело о неисполнении обязанностей «иностранных агентов». А уже на основании уголовного дела Российской Федерации не выдала мне новый загранпаспорт. Соответственно, теперь я человек без паспорта.

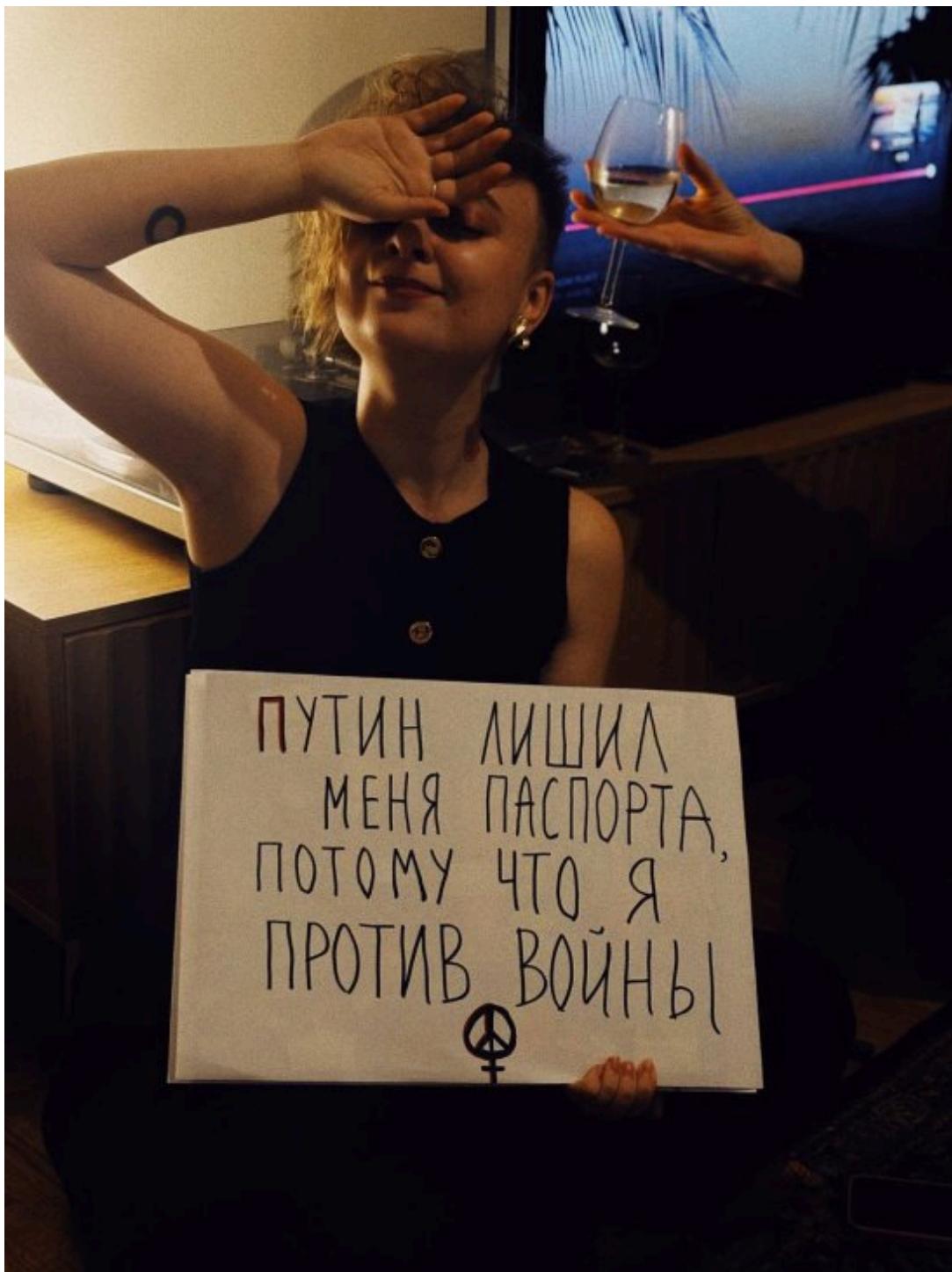

Фото: соцсети Дарьи Серенко

На основании этого же уголовного дела меня объявили в розыск. Из-за отсутствия паспорта я не могу перемещаться между странами, но, если бы такая возможность была, я не могла бы ездить через страны, у которых есть договоренность с Россией о выдаче «преступников». То есть даже на расстоянии [от России] статус [иноагента] достаточно бьет по тебе.

О ТОМ, КАКОВО ЖИТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ БЕЗ ПАСПОРТА

Я думаю, [невыдача паспорта] была специально подстроена. У меня истек старый паспорт, я ждала новый, и в этот момент было открыто уголовное дело.

Было такое, что меня не заселяли в гостиницу с истекшим паспортом или не принимали к врачу. А где-то, наоборот, принимали. У меня была проблема с покупкой билета через приложение внутри европейской страны. В Испании, где и так кризис жилья, мне было очень сложно снять квартиру. Мне не зарегистрировали банковскую карту, даже ту, которую регистрируют всем беженцам, и я живу с банковской картой своего мужа. Мне отключали сим-карту на основании того, что у меня истек паспорт. В общем, много приколов.

О ТОМ, С ЧЕМ МОЖНО СРАВНИТЬ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ИНОАГЕНТОВ

В Древнем Риме была практика *damnatio memoriae* — проклятие памяти. Это когда умирал какой-нибудь высокопоставленный человек или кто-то, нарушивший правила, и его надо было полностью стереть из публичного поля. Например, профиль правителя стирали с монет. Или имя такого человека изымали из свитков. И вот я чувствую себя частью нового *damnatio memoriae*.

Но я ощущаю все эти репрессивные меры также как-то, что государство очень активно подчеркивает мое существование и присутствие. Я в так называемом *wanted list*. И это смешная игра слов: список людей, которые одновременно разыскиваются и желанны. При этом я еще и из «нежелательной» организации Феминистское антивоенное сопротивление (ФАС).

Еще одно противоречие заключается в том, что когда принимают законы об исключении «иностранных агентов» из публичной сферы, нас пытаются стереть из реальности. Создать вокруг нас зону отчуждения, чтобы с нами было невозможно работать, ассоциироваться, рекламироваться на наших ресурсах и так далее. И, с одной стороны, это стирание из памяти работает. Но с другой стороны, постоянными репрессивными мерами нас актуализируют в этом же пространстве. Заставляют вспоминать о нас, вбрасывают нас обратно в информационное поле.

О ТРЕБОВАНИИ СНЯТЬ С ПРОДАЖИ КНИГУ

Прежде всего я подумала об испуганных сотрудниках магазинов, к которым приходят менты. На их месте я бы просто ужасно себя чувствовала.

Вторая мысль: боже, какая невероятная реклама для книжки, которая абсолютно не нужна широкой аудитории. Теперь ее показывают все пропагандисты, они говорят: вот эта книга, кстати, в ней участвовала иноагентка Дарья Серенко. Спасибо большое за пиар нашей книги. Я сделала про это рилс в Инстаграме, и во многих городах книгу купили, о чем отчитались в комментариях и в личке.

Скриншот эфира телеканала «Россия 24» от 10 апреля 2025 года

Я надеюсь, что остальные авторки книги в безопасности.
Но в целом для книги все это, скорее, хорошо.

О ПРОТОКОЛАХ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ МЕРОПРИЯТИЙ

Мне надоело, что никто не может ничего организовать безопасно, и потом у нас появляются проблемы. Теперь мероприятия с моим участием чаще всего я организую либо на 50%, либо полностью сама. Потому что обычно я лучше владею протоколами безопасности, чем сторонние организаторы.

Кроме того, я делаю очень много онлайн-ивентов от Феминистского антивоенного сопротивления. Я запустила 10 кружков — это система образовательных площадок по 20-25 человек на каждой. Они устроены суперзамороченно.

Мы объявляем кружок, допустим, репродуктивной справедливости или изучения литературы женщин ГУЛАГа. Нам в анонимный бот пишут люди и заполняют мини-анкету: указывают свой псевдоним, город и пишут мотивационные письма (почему они хотят на этот кружок).

Мы стараемся отбирать, в основном, людей в России. Им предлагают перейти в рабочий чат кружка в мессенджере Element, который не привязан к номеру телефона, и в нем люди абсолютно анонимизированы.

В течение месяца или двух каждую неделю проходят созвоны кружка. Поскольку я иноагентка, а ФАС — «нежелательная» организация, на созвонах четкие правила безопасности. Мы просим, чтобы люди нигде публично не говорили, что они посещают наше мероприятие. Люди присутствуют на созвонах либо без видео, либо в масках, которые закрывают лицо, но оставляют открытыми глаза. Это и перформативно, и создает эффект человеческого присутствия.

Участникам запрещено деанонить друг друга, называть настоящие имена. За деанон мы можем вынести предупреждение или исключить из сообщества.

Полтора года назад по такому же протоколу безопасности я устраивала онлайн-презентацию своей книги «Я желаю пепла своему дому» для людей, находящихся в России.

Вдобавок я верифицировала аудиторию. 50 человек присутствовали онлайн, все они были в масках.

Я знаю, что не все иноагенты так заморачиваются. Для меня это еще и активизм — приучать людей к безопасности.

О ШТРАФАХ ДЛЯ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ МАРКИРОВКИ ИНОАГЕНТА

Я понимаю, что репрессивная машина — это рандомайзер. Даже если ты будешь соблюдать все долбанутые правила, скорее всего, это ни для кого сильно не снизит риски.

Нужно смотреть по динамике. Если вдруг все вырастет в поголовные административки, я все равно не буду ставить ебалу. Скорее, поставлю в посты предупреждение о том, что такое происходит, будьте внимательны. А дальше это ответственность людей.

Фото: соцсети Дарьи Серенко

В вопросах безопасности всю ответственность всегда вешают на людей, которых и так уже репрессировали: это мы недоглядили, мы недосмотрели. Но нужно понимать,

что ответственны здесь, прежде всего, репрессивные органы, а не мы.

И еще, наверное, не нужно инфантилизировать людей. Я знаю тех, кто скажет: «Пофиг. Мы в России, но все равно не будем ставить плашку, потому что это наш выбор».

О ТОМ, ПОЧЕМУ НЕ СДАЕТСЯ

Единственный способ никому не причинить вреда — это ничего не делать. Но, возможно, ничего не делая, мы причиняем куда больше вреда. Просто не знаем об этом.

Я не могу представить себе ситуацию, в которой сдалась бы. Да, [иноагентство] — это сложно. Это ежедневный безумный челлендж. Постоянно нужно приспосабливаться к новому деръму, искать новые лазейки к людям, и чтобы люди нашли лазейки к тебе.

Но одна вещь защищает меня от того, чтобы опустить руки: я очень хороша в том, что делаю. А именно в культурной работе, в просветительской работе, в образовательной работе. И когда ты все-таки находишь путь к людям, а люди находят путь к тебе, отдача, и обмен, и радость, и смыслы, которые возникают между вами, с лихвой искупают все это. Так с какой стати отказываться от главной радости, от смысла моей жизни?

О ТОМ, ПОЧЕМУ СОБИРАЕТСЯ ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ

Есть одно условие: я должна быть уверена, что приеду и не сяду в тюрьму. Естественно, меня волнует, каким будет политический контекст, потому что от этого тоже зависит благополучие. Но даже если будет строиться какая-то другая диктатура — которая при этом обнулит

законодательство прошлой диктатуры — я бы все равно поехала. Потому что я не считаю себя человеком в эмиграции. Я жила и буду жить с ощущением, что это временно. Возможно, это «временно» растянется на долгие годы. Но я не прекращу работать с контекстом России.

Я знаю, что многие [эмигранты] начали жизнь с чистого листа. Для меня это невозможно по совокупности личных причин, личных жертв, личных симпатий и антипатий, любовей.

Наверное, можно сказать, что я все еще люблю свою страну. Но каким-то другим чувством. Может быть, не столько патриотическим — потому что слово «патриотизм» сильно нагружено государственными смыслами. Я люблю людей, и я работаю с ними на расстоянии. Я хочу вернуться и работать офлайн, я хочу увидеть, как своими руками что-то воздвигла, и что это работает.

Я хочу вернуться в Москву.

Записала Гая Сова

Иноагенты

Признание «иностранным агентом» — один из инструментов давления со стороны российских властей на независимые общественные организации, а с конца 2020 года — и на оппозиционных деятелей.